

Отзыв

**официального оппонента на диссертацию Веры Владимировны Королевой
«"Гофмановский комплекс" в русской литературе конца XIX – начала XX веков»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.01.01 - Русская литература**

Диссертационное сочинение, представленное к защите Верой Владимировной Королевой, посвящено безусловно актуальной теме, важной для понимания самой общей логики развития русской литературы и – шире – нашей национальной культуры одного из важнейших, ключевых периодов ее истории – так называемого Серебряного века. Это обеспечивает рецензируемой работе необходимые для сочинений этого жанра качества – новизну и актуальность. Причем не в последнюю очередь это обеспечивается материалом исследования, достаточно широким и чрезвычайно разнообразным.

Объективное свидетельство этого – завершающий диссертацию список литературы, включающий 714 позиций, 70 из которых на немецком языке; при всех сомнениях, связанных с библиографическим обеспечением и оформлением работы (о них речь пойдет в конце отзыва), эта часть работы обладает самостоятельной научной ценностью.

Для теоретического обобщения собранного и проанализированного материала Вера Владимировна предлагает рабочее понятие, вынесенное в название диссертации – «гофмановский комплекс», который автор определяет через перечень включенных в него черт: это «синтез искусств (попытка соединить в рамках одного произведения разных видов искусств: музыку, поэзию, живопись и т.п., романтическая ирония и гротеск, психологизм, тематизация проблемы механизации жизни и человека, поставленной Гофманом, через разработку образов-символов маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека ("Песочный человек", "Автоматы", "Принцесса Брамбилла")); образа-символа зеркала, множащего сущности; символе глаз как единственном способе распознавания подлинности «живого» – «неживого» ("Песочный человек") (с. 20). И далее: «Гофмановский комплекс характеризуется целостностью воспроизводимого содержания (присутствие одного из элементов в тексте актуализирует все содержание выделенного комплекса)» (там же) и «Понятие "гофмановский комплекс русской литературы" помогает отразить сложный процесс мифологизации образа Гофмана и его героев в русской литературе, формирование которого включает несколько стадий. На первой стадии происходит непосредственное взаимодействие с текстами Гофмана на языке оригинала, на второй, – опосредованное восприятие Гофмана через тексты русской литературы, возникшие под влиянием как самого Гофмана, так и

гофмановской традиции, складывавшейся в русской литературе и культуре XIX века. Таким образом, можно говорить о возникновении в русской литературе «гофмановского текста» в начале XIX века, формировании «гофмановского комплекса» в конце XIX века и процессах трансформации его в начале XX века в связи с общими процессами развития русской литературы на рубеже XIX – XX веков» (там же).

Это определение (если можно назвать им приведенный перечень) заслуживает отдельного разговора, тем более, что словосочетание «гофмановский комплекс» употребляется в работе постоянно, и по сути дела все операции диссертанта сводятся к сопоставлению реальных наблюдений над произведениями русских писателей с предложенными в перечне «гофмановскими» характеристиками – именно поэтому на них стоит остановиться особо.

Известно, что в подавляющем большинстве диссертационных работ происходит абсолютизация достоинств главного героя – это явление вполне объективное и в определенной мере даже позитивное, нередко позволяющее увидеть те стороны явления, которые без подобного преувеличения нередко ускользают от исследовательского внимания. Однако нельзя преувеличивать без меры, хотя само по себе подобное преувеличение способно даже вызывать определенное уважение к автору. Но давайте посмотрим, что все-таки привнес в русскую литературу Эрнст Теодор Амадей Гофман, действительно один из самых влиятельных для русской культуры авторов.

Первым в списке идет синтез искусств, который диссертант трактует двояко: и как «попытку соединить в рамках одного произведения разных видов искусств: музыку, поэзию, живопись и т.п.» (именно это понимание вынесено в определение), и как разные проявления вагнеровского *Gesamkunstwerk*, действительно чрезвычайно актуального для переимчивого Серебряного века. А вот по поводу пресловутой «попытки соединить в рамках одного произведения разные виды искусств» позволю себе усомниться: никак не могу представить себе литературное произведение, автор которого, написав сто страниц, начинает петь, рисовать или танцевать, причем тут же, прямо «в рамках» своего литературного произведения. Речь, разумеется, идет о метафорическом, а не о реальном «синтезе»: об описании (словом!) музыкальных или живописных произведений – том явлении, которое в современном искусствоведении получило название экфрасиса, происхождение которого справедливо возводят к античной культуре – собственно, к Гомеру. То есть, тут Гофман никак не пионер, и возводить появление подобных явлений в русской словесности прямо к нему вряд ли справедливо. И утверждение, будто бы «Гофмановская идея синтеза искусств легла в основу “музыкальной” организации повествования в “Симфониях” А. Белого» звучит как безусловное преувеличение, если не

сказать больше. Кстати, интересно было бы узнать, в чем, по мнению диссертанта, конкретно заключается эта «музыкальность» Белого, если отвлечься от авторского метафорического обозначения?

С романтической иронией и гротеском сложнее: они действительно в значительной мере восходят у нас к немецкому романтизму, хотя скорее к раннему, чем собственно к гофмановскому. Разумеется, Гофмана в России знали лучше, чем, например, Шлегелей или Жан-Поля, и русские писатели действительно часто отзывались именно о гофмановской иронии, однако это не означает, что на их творчество влияла ирония именно этого писателя. Впрочем, тут тоже не лишне бы прояснить, что именно диссертант понимает под иронией, особенно в свете следующего заявления: «одним из проявлений иронии у Гофмана был прием одушевления вещей, когда “неживое” вытесняло “живое”, что символизировало бездуховность современного общества». Позвольте, разве это вытеснение можно считать проявлением иронии? Тоже следует объясниться.

Со следующим пунктом еще сложнее: психологизм в прозе Гофмана, разумеется, присутствует, однако вряд ли именно автор «Кота Мурра» является его первооткрывателем, особенно для русских писателей Серебряного века, которым и в нашей родной литературе было у кого поучиться... Скорее, стоило бы вынести в числе признаков «комплекса» конкретное «психологическое» явление двойничества, описание проявлений которого в творчестве русских авторов занимает в диссертации важное место и принадлежит к ее наиболее сильной и интересной составляющей – ан нет, ни двойничество, ни фантастику госпожа Королева в число элементов своего «гофмановского комплекса» почему-то не включает.

Наиболее убедительно выглядят среди этих компонентов «механизация жизни и человека», однако тут смущает набор конкретных механизмов, к которым прибегает немецкий писатель: по мнению автора работы, это «образы-символы маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека» - могу согласиться только с автоматом, все остальное – принципиально иные явления, не имеющие к механизации никакого отношения или по крайней мере к ней не сводящиеся. Опять-таки оговорюсь: я говорю о теоретических построениях диссертанта, а не практике ее анализа, в котором как раз наблюдения над двойничеством, куклами и масками принадлежат к числу наиболее продуктивных.

Это же относится к наблюдениям Веры Владимировны над ролью «зеркала, множащего сущности» и о «символе глаз как единственном способе распознавания подлинности “живого” – “неживого”»: по этому поводу диссертант тоже приводит богатый и убедительный материал.

То есть, что касается фактуры исследования, тут диссертант показывает уверенное владение материалом; однако как только дело доходит до обобщений и теоретизирования, дело становится намного хуже.

Например, фиксируя те или иные сходства между особенностями творчества Гофмана и русских писателей, Вера Владимировна использует обычно два понятия – традиция и заимствование, не замечая их явной непригодности для ее материала: традиция звучит предельно широко и неконкретно, а заимствование – просто унизительно и к тому же – чаще всего незаслуженно. В общем, механизм взаимодействия разных произведений выглядит благодаря терминологической неточности диссертанта крайне неубедительно, хотя сам материал исследования, как можно судить из приводимых примеров, автором исследован достаточно основательно.

Вряд ли удачным следует назвать и предложенную в диссертации стадиальность, включающую «гофмановский текст» XIX в. и приходящий ему на смену в начале XX века пресловутый «гофмановский комплекс». Диссертант не постулирует разницу между этими понятиями, а обильно цитируемый в работе материал не позволяет «почувствовать разницу», скорее наоборот.

Возможно, главная причина всех перечисленных недоработок – неточность выражения диссертантом своих мыслей и интуиций, что и вызывает многочисленные недоумения и двусмысленности. Не буду приводить здесь конкретные примеры, однако они встречаются практически на каждой странице, чрезвычайно ухудшая общее представление о сочинении, несомненно, достаточно интересном по замыслу и материалу, но сильно уступающем им в конкретной реализации. Примеры языковых неточностей и ошибок и возникающих из-за них смысловых нелепостей я отметил непосредственно на полях сочинения, с ними автор может познакомиться на досуге, обдумывая свое дальнейшее научное творчество.

Еще один вопиющий недостаток работы – обилие буквальных и слегка варьирующих текстовых повторов, причину появления которых понять не трудно: по очереди сравнивая произведения русских авторов с одними и теми же рассказами или повестями Гофмана, диссертант каждый раз пересказывает сюжет и основные идеи, а также характеризует тех же самых персонажей. Причем иногда – например, с случае с «Эликсирами дьявола» - это происходит около десятка раз: сначала при постановке проблем диссертации, затем при сравнении повести Гофмана с нарративами русских писателей и в выводах к каждой главе, и затем и всей диссертации, причем одними и теми же словами и выражениями! Создается даже впечатление, что таким образом автор работы просто «раздувает» объем своего сочинения.

Вообще, приверженность к пересказу очень вредит работе, особенно когда диссертант «своими словами» излагает известные произведения, да еще по нескольку раз. Иногда даже начинает казаться, что автор работы настолько не уважает своего читателя, что считает необходимым объяснять ему, что, например, «В.Э. Мейерхольд – русский режиссер, который вошел в историю литературы и искусства как практик театрального гротеска и создатель условного театра в России. Творческий путь Мейерхольда был отмечен постоянными поисками и разными литературными влияниями» (с. 275). А почему тогда перед именами Гоголя и Достоевского не говорится, что это «великие русские писатели» и т.д.?

Впрочем, иногда, можно сказать, говорится: я имею в виду загадочное поименование половины упоминаемых в работе ученых «исследователями», а остальных – нет. Читал я и постоянно думал: кто главнее? Почему В.Н. Топоров в глазах нашего диссертанта «исследователь», а А.Б. Ботникова – нет? И т.д. Каюсь – так и не уловил разницы. Однако читать это очень мешало.

Впрочем, как и многие другие подобные «мелочи». Например, последовательное название романа Гофмана «Эликсирами дьявола», как перевел название этой книги для последнего (Худож. лит., 1991-2000) издания под редакцией Аллы Борисовны Ботниковой и Альберта Викторовича Карельского Виктор Борисович Микушевич, заново переведший, разумеется, и сам роман. Только в некоторых цитатах роман называется в диссертации «Эликсирами сатаны», под каковым именем эта книга и было известна в России весь XIX и первую треть XX века – в общем, в течение всего описанного в диссертации периода. То есть, интересующие нас русские писатели знали роман именно под этим именем, а не под тем, которым его наградили (может быть, и не без основания, это уже другой разговор). новейшие переводчики. Но это никак в работе не оговаривается.

Кстати, впервые сатана переименовывается в дьявола в заглавии книги в переводе В.Л. Ранцова для Собрания сочинений Гофмана в 7-ми тт., изданного московским издательством «Недра» в 1929-1930 гг. Однако наш диссертант, похоже, и не подозревает о существовании этого интересного с точки зрения восприятия Гофмана в России издания, поскольку в «Списке литературы» оно вообще не обозначено.

Вообще, внимательное чтение списка порождает массу вопросов. Прежде всего, об отмеченной выше со знаком плюс солидном списке литературы, приведенном в конце. Во-первых, многие издания попали сюда исключительно из желания «образованность показать» - например, московское издание сочинений И. Канта. В списке оно обозначено так: «Кант И. Собр. соч.: в 6 т. / Кант И. – М.: Мысль, – 1964». В действительности же издание называется просто «Сочинения в шести томах», и выходило оно не один, а четыре

года, то есть должно быть описано следующим образом: «Кант И. Сочинения: В 4-х тт. М.: Мысль, 1963-1966)». Из чего следует сделать вывод, что диссертант эту книгу вряд ли даже видел.

Между тем стоило бы. А тем более имело бы смысл познотиться (или хотя бы включить в список литературы) новейшее исследование Л.А. Калининкова «Э.Т.А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012), в котором, как сказано уже в аннотации, «доказывается, что без учета влияния И. Канта на Э.Т.А. Гофмана многое в его творчестве оказывается малопонятным. Особенности мировоззрения писателя и его художественного стиля сложились под воздействием личности великого мыслителя и его философии». Так что становится понятно, кому «бюст Иммануила Канта укоризненно качал головой и показывал язык», как цитирует диссертант из второй симфонии Белого! Кстати, это единственное, кроме бессмысленной и безграмотной ссылки в списке литературы, упоминание имени великого философа в диссертации.

Ни разу не упомянут в ней и Гегель, хотя в списке литературы неведомо зачем красуется его собрание сочинений, причем не современное, а 1929-1959 гг. - тут по крайней мере диапазон дат издания указан правильно. Но это – скорее исключение, ведь многие многолетние издания датируются в списке одним случайно выбранным годом: Андреев, Белый, Гоголь, Гиппиус (причем в списке «учтено» 7 из 15 томов, выходящих с 2001 по 2013, а не по 2003 г.); да что там, даже ботниковское собрание Гофмана (наверное, единственное, которое держал в руках автор) обозначено в списке одним 1991 г., хотя в действительности оно завершено в 2000 году!

И это – не следствие рассеянности, как могло бы показаться, а результат небрежного отношения к работе и читателю, отсутствия ее элементарных навыков. Так, в списке обозначено много книг, не имеющих никакого отношения к теме исследования, зато нет монументального свода «Русский круг Гофмана» (почти 700 с. большого формата), выпущенного Центром книги ВГБИЛ им. Рудомино в 2009 г.!

Не меньший интерес представляют сноски. Например, такие (их множество): «Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Указ. соч. – Т.8 – С. 171». Зачем писать после названия книги «Указ. соч.»? А в других случаях эта же аббревиатура, наоборот, заменяет название, очевидно имея в виду, что оно «указ.» в списке литературы!

Непосредственно в сносах нередко смущает также набор имен авторов, на работы которых ссылается диссертант: так, по поводу Андрея Белого из всего нашего могучего беловедения по одному разу упоминаются только А. Лавров, Л. Долгополов и Л. Кихней, зато постоянно мелькают никому не ведомые Шарапенкова Н.Г. и Штыгашева О.Г. То же

относится к практически не освоенному диссертантом андрееведению и блоковедению и далее по списку.

Наконец, два пожелания. Во-первых, в числе героев диссертации явно не хватает М. Кузмина, А. Ремизова и А. Чайнова – признанных «гофманианцев» Серебряного века. Во-вторых, диссертант заявляет, что «Гофман считал себя в первую очередь композитором», но ведь это действительно было именно так, ему принадлежит несколько замечательных опер и масса камерной музыки, и об этом тоже стоило бы сказать в работе.

Но это – пожелания, не более. Хотя и не менее. Пора переходить к выводам.

Несмотря на перечисленные недочеты, диссертация Веры Владимировны Королевой «"Гофмановский комплекс" в русской литературе конца XIX – начала XX веков», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, может быть признана научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором наблюдений поставлена и в значительной мере решена важная историко-литературная проблема. Содержание данной работы с рядом оговорок можно квалифицировать как научное достижение. Поэтому работа соответствует требованиям п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Вера Владимировна Королева заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Автореферат и имеющиеся публикации по теме работы в основном соответствуют содержанию диссертации.

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
учебно-научной лаборатории мандельштамоведения
Института филологии и истории ФГБОУ ВО
«Российский государственный
гуманитарный университет»

21.08.2020

Орлицкий Юрий Борисович
Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104
Тел.: 8 (916) 571-42-00
E-mail: ju_b_orlitski@mail.ru

Ю.Б. Орлицкий

Генеральный директор
проректор по научной работе

О.В. Павленко